
Антропный принцип в науке о спорте

© 2019 г. Ю.Ю. Петрунин

*Факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; Научный совет РАН по методологии искус-
ственного интеллекта и когнитивных исследований, Москва, 109240, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1.*

E-mail: petrunin@spa.msu.ru

Получена 26.02.2018

Почти 100 лет назад немецкий философ М. Шелер утверждал, что вряд ли какой-то общемировой современный феномен заслуживает социологического и психологического изучения в той степени, в какой его заслуживает спорт. Спорт приобрел неизмеримый масштаб и социальную значимость, но этому аспекту спорта не уделялось большого внимания. Американский историк, социолог и философ спорта А. Гуттман в конце 1970-х гг. прокомментировал эти слова немецкого философа следующим образом: «но и через полвека спорт остается одним из самых спорных и наименее проясненных явлений нашего времени». К сожалению, и спустя еще 50 лет мало что изменилось.

В статье раскрывается современное состояние и перспективы развития спортивной науки. Показана роль философии в изучении спорта. Для понимания особенностей спорта как социально-культурного явления в статье применяется антропный принцип, впервые разработанный в естествознании. Показано, что использование антропного принципа не только проясняет важные вопросы спорта (его природу, генезис, структуру), но и развивает сам антропный принцип как принцип наблюдателя.

Ключевые слова: спорт, спортивная наука, философия спорта, антропный принцип, наблюдатель, спортивные константы.

DOI: 10.31857/S004287440006325-2

Цитирование: *Петрунин Ю.Ю.* Антропный принцип в науке о спорте // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 130–140.

The anthropic principle in the science of sports

© 2019 г. Yuri Yu. Petrunin

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosov av., Moscow, 119991, Russian Federation; Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the methodology of artificial intelligence and cognitive researches, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: petrunin@spa.msu.ru

Received 26.02.2018

Almost 100 years ago, the German philosopher M. Scheler wrote about sports that it is unlikely that some global social phenomenon deserves social and psychological study to the extent that sport deserves it. Sport has acquired an immeasurable scale and social significance, but so far not much attention has been paid to the social aspect of sport. American historian, sociologist and philosopher of sports A. Guttman in the late 1970s commented on these words of the German philosopher as follows: «after half a century, sport is still one of the most controversial and least studied phenomena of our time». Unfortunately, after another 50 years, little has changed in our understanding of sports.

The article reveals the current state and prospects of development of sports science. The article shows the synthesizing role of philosophy in the study of sports. To understand the features of sport as a socio-cultural phenomenon, the article applies the anthropic principle, first developed in natural science. It is shown that the anthropic principle is not only clarifying important sports issues, but also develops the anthropic principle as the principle of the observer.

Key words: sport, philosophy of sport, sports science, anthropic principle, observer, sports constants.

DOI: 10.31857/S004287440006325-2

Citation: Petrunin Yuri Yu. (2019) 'The anthropic principle in the science of sports', *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2019), pp. 130–140.

Спорт не просто знаковое явление нашей эпохи, но еще и чрезвычайно противоречивое. Обратим внимание только на самые вопиющие парадоксы представлений о том, что такое спорт.

Досуг/развлечение. Неотъемлемым атрибутом спортивных состязаний является непредсказуемость исхода борьбы. Ясно, что если всегда одна сторона выигрывает, другая проигрывает, то вероятность поражения должна составлять в среднем 1/2. Какая человеческая деятельность может доставлять удовольствие, если на 50% она приносит неудовольствие? У кого может появиться охота заниматься этим рискованным делом? Не без оснований можно назвать такие состязания самым рискованным развлечением, или даже самым нелепым досугом. Некоторые психологи (не говоря уж о социальных реформаторах) вообще считают, что состязательные игры вредны.

Бизнес. Вокруг спорта крутятся огромные финансовые суммы, спортсмены получают буквально фантастические деньги. Спорт считается суперприбыльным бизнесом, но, на самом деле, любой крупный супермаркет дает в день больше дохода, чем Манчестер Юнайтед — самый популярный клуб в мире — за год. Цель бизнеса — прибыль. Спорт совсем не прибыльный бизнес. Вкладывать в него деньги может только сумасшедший. Или, по крайней мере, целью этих вложений является вовсе не прибыль, о чем лучше могут рассказать олигархи со всего мира.

Здоровье. Принято считать, что цель спорта – здоровье. Факты прямо противоречат этому утверждению. Профессиональные спортсмены работают на износ. Они не приобретают здоровье, а теряют его. Допинг, ставший почти обычным явлением в спорте, убивает его участников. Среди болельщиков распространен нездоровый образ жизни – умеренное употребление алкоголя, чрезмерные переживания, драки и хулиганство.

Патриотизм и политика. Спорт, точнее, победы и медали, им обеспечиваемые, переполняют гордостью не один политический режим. Но как можно болеть за «свой» клуб, если в нем играют люди со всех концов света? Как возможно идентифицировать себя с «родным» клубом? То же самое относится и к национальной сборной. Можно посмотреть на эту ситуацию и с другой стороны: почему в Китае или Африке сходятся не на жизнь, а на смерть люди, болеющие за противоборствующие команды английской премьер-лиги? С таким же успехом можно переживать за чемпионат по неизвестному состязанию марсианских команд.

Воспитание. С давних времен считалось, что спорт воспитывает не только тело, но и дух, укрепляя такие добродетели, как честность, целеустремленность, характер, благородство, коллективизм/солидарность. Повсеместное использование допинга, практика «договорных» матчей, подкуп спортсменов, судей, тренеров и руководителей спорта заставляют серьезно усомниться в господстве указанных добродетелей в реальных ристалищах.

Культура. Термин «физическая культура» вроде бы является общепринятым. Но к какому виду культуры можно отнести спорт: массовой, популярной или к особому виду? Когда-то давно один француз сказал об английском футболе: «Если англичане называют это игрой, то что тогда они называют дракой?». Многие люди и сейчас именно так воспринимают спорт.

Одним словом, реальный спорт в действительности прямо противоположен общепринятому образу спорта. Вопрос лишь в том, почему он еще существует? Более того, так популярен? Притягивает такие большие деньги? Так любим политиками? Как объяснить этот запутанный клубок противоречий?

Конечно, научные исследования спорта имеют давнюю традицию. Однако они скорее направлены на изучение спортсменов, чем спорта как такового. Несомненно важные темы питания, режима, методик тренировок, постановки удара, контроля веса или управления другими физиологическими показателями организма не могут заслонить, тем более заменить темы спорта как общественного и специфически человеческого явления. Главный вопрос для любой науки – вопрос о предмете исследования. Традиционно такими фундаментальными вопросами занимается философия. Что такое спорт? Кажется, нет ничего проще, чем ответить на этот вопрос. Но это не так. Разнообразие спортивных дисциплин так велико, что трудно найти определение их предполагаемой общей сущности.

Существуют два основных подхода к ответу на этот вопрос. 1. Спорт – *физическая/телесная состязательная активность*. Эта деятельность охватывает огромные массы людей (потенциально, всех людей), которые испытывают желание заниматься ею в свободное от основных занятий время, почему они и называются любителями; 2. Спорт – это то, чем занимаются люди, достигшие совершенства в том или ином проявлении физической состязательной активности. Другими словами, настоящий спорт – это не массовое социальное явление, а элитарное, удел немногих лучших, достигших совершенства в том или ином виде состязательной физической активности, превращающих их в класс профессионалов, какими в других сферах являются музыканты, певцы, строители, мастера гастрономического искусства, военные или учителя. Класс профессионалов не уничтожает массовую физическую состязательную активность, он надстраивается над ней, питаясь её неисчерпаемым потенциалом.

Очевидно, что вопрос о природе спорта тесно связан с вопросом о его генезисе. Почему спорт изменяется во времени? В каком направлении? Этот вопрос можно отнести не только к спорту как целому, но и к отдельным видам спорта: почему одни спортивные состязания отмирают, а другие остаются? Известно, что каких-нибудь несколько десятков лет назад на Олимпийских играх были представлены такие экзотические сегодня

виды, как перетягивание каната, альпинизм, авиация, стрельба по голубям. Некоторые виды спорта проделали гигантскую эволюцию в правилах в исторически короткое время, например, в спортивной борьбе за последние 100 лет правила существенным образом поменялись 29 (!) раз, не считая незначительных добавлений. Как различные виды состязаний взаимодействуют между собой: вытесняют, сотрудничают, разъединяются? Почему и как появляются новые?

Нельзя не заметить, что в спорте как социальном явлении наряду с классами любителей/дилетантов и профессионалов существует еще и третий класс. Его можно было бы назвать самым важным (и уж точно самым многочисленным!), если бы не обстоятельство, что ни один из трех классов не может существовать без двух остальных. Важная особенность спорта — существование класса любителей спорта, но любителей в особом значении. Слово *любители* используется при разговоре о спорте в двух смыслах: как о представителях массового спорта, любителей заниматься спортом (1) и любителей смотреть спорт, наслаждаться состязаниями (2). Любители в последнем понимании есть те, кто *любит смотреть за другими* (а, может быть, как выразился философ В. Руднев, *подглядывать за другими*): за теми, кто занимается спортом на высоком уровне ради рекордов, побед, вознаграждений и славы. Это не просто зрители/созерцатели, это болельщики, фанаты, тиффози, наблюдающие за состязанием и активно сопереживающие ему. Некоторые любители такого рода (даже большинство) вообще никогда не занимались тем видом спорта, который с наслаждением смотрят, переживая за происходящим на арене.

Удивительно, но встречаются и профессионалы, которые не являются болельщиками. Они никогда не смотрят на других профессионалов, за исключением необходимости подготовки к будущим поединкам. Им это просто неинтересно. Наблюдение для них *практически полезно*, наравне с тренировками, питанием, спортивным режимом и пр., но *не увлекательно*. Для наблюдателей же оно не имеет *никакой практической пользы*, оно есть эстетическая, агональная и идентификационная потребность.

Наблюдатели — очень интересное явление. Впервые феномен наблюдателей был выделен и теоретически осмыслен в древнегреческой философии. По Аристотелю, уже Пифагор утверждал, что жизнь подобна игрищам, «иные приходят на них состязаться, иные — торговать, а самые счастливые — смотреть». Античные философы — первые люди, осознавшие себя зрителями космического действия, в том числе и социального (вспомним стихи Лукреция Кара: «сладко, когда на просторах морских разыграются ветры, с твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого...»).

В далеком 1967 г. будучи ребенком, отдыхающим летом в подмосковной деревне, мне удалось видеть редкую картину (как я понимаю сегодня). Старые деревенские бабушки, к которым присоединилась и моя, в начале июня (время между Пасхой 30 апреля и Троицей 18 июня в том году) азартно «катали яйца» на поляне в центре деревни. К стулу была приставлена наклонная доска, с которой надо было скатить крашеное вареное яйцо на поляну. Следующий игрок должен был так катнуть свое яйцо, чтобы оно коснулось чужого, и тогда игрок мог взять его себе («выиграть его»). Побеждал тот, кто выиграл (собрал) все чужие яйца или наступал вечер, темнота и игра прекращалась. Накал игры был таким, что не уступал мальчишеским играм. Безусловно, это занятие имело глубокие христианские и языческие корни.

Была ли эта забава спортом? Большинство скажет, что нет. Почему? Потому что они не имели материальной выгоды? Нет, участницы имели прямую материальную выгоду. Были ли они профессионалами? Если говорить об уровне мастерства, то да. Это была забава, усвоенная ими еще в детстве, еще до 1917 г. Но они не были профессионалами потому, что за их занятием наблюдали и даже переживали (скорее, смеялись просвещенные юнцы: «до чего дошли старушки!») только внуки, соседи и случайные прохожие и редко потом вспоминали перипетии этой необычной уже для той поры игры. Наблюдение и переживание игры не становилось особой социальной деятельностью. И болельщики не образовывал и особую социальную группу. И их взгляды не становились особой субкультурой.

В наши дни в некоторых приходах РПЦ делаются попытки возродить эту игру. В США ежегодно проходит «пасхальное катание яиц» на лужайке перед Белым домом, которое открывает Президент США. В интернете выложено множество видеосюжетов и из России, и из США. Несмотря на общие истоки забавы, их правила, антураж и контент довольно сильно отличаются. Единственное, что их объединяет — почти полное отсутствие интереса присутствующих (но не участвующих в игре) людей: президент Трамп на последнем мероприятии 2018 г. просто поворачивается в сторону собравшегося народа и журналистов; настоятелей РПЦ и вовсе не видно среди наблюдателей игры. Выводы напрашиваются сами собой: эта игра не нуждается в наблюдателях. Могла бы эта забава стать спортом? С проведением турниров, трансляцией соревнований, регулярными выпусками специального журнала? Все это зависит от того, могла ли она породить класс «наблюдателей». Чем, собственно, эта дошедшая до нас из седой старины игра отличается от футбола? Вот деревенские ребятишки увлеченно гоняют мяч по неровному полю. Все, кто смотрит на них, — друзья и родители. Как можно смотреть на аналогичный процесс (например, на матчи чемпионата мира), когда не знаешь ни одного участника, а переживаешь за их действия сильнее, чем за активностью родного сына?

Феномен выживания забавы/игры, превращение её в вид спорта чрезвычайно интересен и наводит на мысль использовать для понимания этого феномена методологический принцип, в современной физике и космологии получившего название антропного. Антропный принцип (АП) утверждает, что физический мир таков (управляется такими законами), что подразумевает существование наблюдателя (история антропного принципа изложена в [Казютинский, Балашов 1989]). Различаются несколько формулировок антропного принципа, самая радикальная из которых Дж. Уиллера звучит так: «наблюдатели необходимы, для того чтобы сделать вселенную существующей» (цит. по: [Ненашев 2012, 65]). Или, как пишут Казютинский и Балашов, «многие хотели бы видеть в АП ответ на вопрос: почему природа устроена именно так, а не иначе?».

Поменяем слово «вселенная» в первом случае и слово «природа» во втором на слово «спорт», и мы увидим, что новые утверждения звучат вполне разумно и даже эвристично, но уже не для естествознания, а для обществознания. Спорт таков, что подразумевает существование наблюдателя. Или, по-другому, наблюдатели необходимы, чтобы сделать спорт существующим как социальное явление.

Иногда антропный принцип формулируют несколько иначе: какие фундаментальные константы природы конституируют её? «Хорошо известно, — пишет Л.Б. Окунь, — что адекватный выбор физических единиц является одной из важнейших предпосылок решения любой конкретной физической задачи. Тем более это справедливо в отношении фундаментальных вопросов физики. Обсуждение вопроса о выборе фундаментальных физических единиц дает возможность с большим пониманием судить не только об истории фундаментальной физики, но и о прогнозах ее развития. Такое обсуждение увязывает физику элементарных частиц и космологию и неизбежно затрагивает самые разноплановые вопросы: от научно-политических (нужно ли строить гигантские коллайдеры, или весь план строения физического мира можно увидеть усилием чистого разума?) до философских (почему физический мир так хорошо приспособлен для существования жизни и единствен ли он?)» [Окунь 1991, 177]. Замена слов из физического лексикона на «спортивный», «социальный» также дает вполне осмысленный результат. Каковы должны быть особенности физической активности в её разных проявлениях, чтобы с необходимостью породить наблюдателя? На более простом языке: какими особенностями должна обладать физическая состязательная активность, чтобы заставить смотреть, сопереживать, идентифицировать себя с другими людьми, непосредственно участвующими в ней? Это позволяет ответить на вопросы «нужно ли проводить Олимпийские игры» или «можно ли построить спорт на других началах»? Какими же должны быть «фундаментальные спортивные константы»? Английский ученый Дж. Вессон в своей фундаментальной работе «Наука футбола», рассуждая о связи между размерами поля,

ворот, мяча, числом игроков и зрелищностью футбольной игры, писал, что такие размышления «приводят к еще более основному вопросу о том, что существует связь между этими различными фундаментальными факторами, которая может быть отправной точкой для “теории футбола”» [Wesson 2002, 72].

Современная физика возникла из применения математического аппарата к *движению* материальных тел. Любое спортивное состязание также связано с движением. Правила — лишь закрепление или/и запрет определенных видов действий спортсменов. Не оправдано ли и изучение спорта начинать с выделения основных видов и уровней движений участников состязаний, а фундаментальные константы искать в типах движений, определяющих каждый вид спорта? Такой подход уже намечен при изучении боевых искусств [Федулов, Панов, Логинова, Савельев, Косицын 2017]. В основе этого подхода лежит теория регуляции движений известного отечественного нейрофизиолога Н.А. Бернштейна. Включающая в себя филогенетические и морфологические уровни при изучении спортивных поединков, она, на наш взгляд, вполне логично может быть построена коллективными, социально-коммуникативными уровнями двигательной активности.

Важность типов движений, конституирующих конкретный вид спорта, проявляется особенно ярко в ситуациях неожиданных изменений движений в данном виде спорта. Либо новые движения начинают регулироваться дополнительными правилами/регламентами спортивных баталий, либо виды спорта или его отдельные подвиды/упражнения исчезают. Примером первого случая является стремительное распространение на соревнованиях в лыжных гонках конькового хода (в правилах называется «свободный стиль», определение которого отсутствует) после 1984 г., примером второго — исключение из соревнований (но не из тренировок!) по тяжелой атлетике в 1972 г. такого упражнения, как жим, отличавшегося от толчка и рывка только разным подъемом штанги. С модификацией — выполняется лежа, что снижает травматизм — жим перешел в близкий вид спорта — пауэрлифтинг. В результате этих пертурбаций многие спортсмены и целые страны оказались в проигрыше до тех пор, пока не приспособились к модификациям в правилах, регулирующих расширение использования некоторых видов движений на соревнованиях (например, в лыжных гонках).

Использование классического антропного принципа при изучении спорта порождает два вопроса. Первый связан с тем, что в естествознании наблюдатель противостоит природе. В обществознании человек как носитель сознания является неотъемлемой частью наблюдаемого объекта. Можно ли в этом случае говорить об АП?

Второй вопрос касается того, насколько универсален АП в социальных науках, в частности в науках о спорте. Проще говоря, почему один и тот же вид спорта в одной стране порождает наблюдателя, а в другой — нет? Попробуем высказать некоторые соображения по этим вопросам.

Отличие от классического антропного принципа кажется очевидным, ведь здесь речь идет о человеческой активности, которая всегда подразумевает возможность наблюдения. Но дело в том, что не любая человеческая деятельность создает массовое наблюдение за ней, не любая порождает *потребность наблюдения*, ведущую к возникновению особой группы людей, объединяющихся (или разъединяющихся) на этой основе. Наблюдатель не просто (случайно) наблюдает, он *стремится* наблюдать, переживать, эмоционально привязываясь к наблюдаемому. Наблюдение становится не менее важным социальным, культурным процессом, чем сама наблюдаемая деятельность. Даже физическим — неизвестно, кто больше калорий теряет за игру — спортсмен на поле/площадке/ринге или болельщик на трибуне (а иногда и жизнью [Макаров 2016]). И для кого важнее поражение или победа.

Важнейшая черта спорта — состязательность, *азарт*. Современная нейронаука доказала, что в человеке есть склонность к состязательным/азартным играм. Обратим внимание, что в отличие от «обычной» азартной зависимости (как в азартных играх или в тотализаторе), любители/болельщики азартно переживают не за результаты своей деятельности, а за результат деятельности других людей («профессионалов»), с которыми себя идентифицируют. «В чисто азартных играх, — подмечает Й. Хейзинга, —

напряжение, охватывающее игроков, лишь в незначительной степени разделяется зрителями... Совсем иное дело, когда это спортивные игры, требующие сноровки, знания, смекалки, мужества или силы. По мере того, как игра делается всё труднее, напряжение зрителей возрастает» [Хейзинга 2011, 39]. Если вдуматься, то это звучит удивительно. Не случайно во многих языках именование спортивного наблюдателя имеет корни со словом «болезнь», особенного измененного состояния сознания человека.

Не является ли *спорт* в таком понимании не только социальным явлением/практикой, но *состоянием сознания*, или тем, что еще относительно недавно называли *формой общественного сознания*? М. Шелер считал, что главное отличие человека от всех других живых существ — не сознание, которое присутствует у многих животных. Главное отличие — самосознание. Наблюдатель не просто фиксирует в сознании окружающий мир. Он осознает эту фиксацию, говоря словами Шелера, «опредмечивает её» [Шелер 1988, 56]. Такое наблюдение Шелер называет «особым родом созерцания», свойственным лишь *Homo sapiens* [там же, 53]. По Шелеру, разум/дух, связанный с этой особой формой созерцания, осуществляет вытеснение влечений, иначе говоря, «сублимирует жизнь в дух» [там же, 70].

Цель спортивной игры — как и игры вообще — в ней самой, в этом смысле игра не утилитарна. Вдвойне не утилитарно наблюдение за ней. Но не являясь непосредственными участниками спортивных баталий, не вмешиваясь в них, наблюдатели изменяют и сам наблюдаемый процесс. Исследования в области нейронаук доказали влияние наблюдения на результаты действий человека, за которым наблюдают (если последний об этом знает) [Yoshie, Nagai, Critchley, Harrison 2016]. Что же говорить, когда это наблюдение выливается в громоподобные сопереживания болельщиков за своих любимцев! Наблюдатели превращают участников состязаний в профессионалов, они вдохновляют их, определяют, что такое хорошо и что такое плохо в игре, направляя её развитие. В известном смысле они важнее тех, за кем они наблюдают, становясь особыми участниками социального действия. Они превращают деревенские забавы в спорт с его уникальным положением в обществе.

Не будем преувеличивать разницу между «космологическим наблюдателем» и «социальным наблюдателем». Уилер и вслед за ним А. Линде, согласны с заменой слова «наблюдатель» (*observer*) на слово «участник» (*participant*) в АП.

Американский исследователь Кр. Лэш писал, что существует «распространенное сетование, что современные спортивные состязания больше ориентированы на зрителя, чем на участника. Зрители, с этой точки зрения, никак не влияют на успех игры. На какой же наивной теории человеческой мотивации основывается такое представление!» и далее: «в спортивных состязаниях, важность показной составляющей и представления служит напоминанием о древней связи между игрой, ритуалом и драмой. Игроки не только соперничают, они выполняют знаковую церемонию, которая подтверждает общие ценности. Церемония требует наблюдателей: восторженных зрителей, знакомых с правилами исполнения и ее основным значением. Присутствие зрителей вовсе не обесценивает спортивные состязания: оно необходимо для них» [Лэш 2006, 23–40]. Как и в других ранее приводимых примерах, мы видим древнюю связь спорта (протоспорта) с религиозно-мифологической деятельностью. Не случайно классик социологии спорта А. Гутман назвал свою книгу «От ритуала к рекорду» [Гуттман 2016].

Фундаментальную концепцию роли наблюдения и наблюдателя при исследовании общественных явлений разработал во второй половине XX в. немецкий социолог Н. Луман. Он справедливо отмечает, что наблюдатель потенциально существует во всех социальных (самореферентных) системах. Однако между потенциальной возможностью и реальной актуальностью существует неизбежная дистанция. Не любая человеческая деятельность автоматически ведет к наблюдению как социальному и одновременно экзистенциальному феномену. Человек может действовать как человек, без наблюдателя за его социальной активностью (в труде, например). Более того, такое наблюдение, как правило, имеет конкретные утилитарные цели: например, для контроля сотрудников со стороны руководителей или для обучения новичков в

процессе профессиональной социализации. В спорте, как уже отмечалось раньше, созерцание (боление) не связано с утилитарными социальными функциями. Также нужно подчеркнуть, что наблюдение не всегда становится особой выделенной самостоятельной деятельностью (активностью). Социологические исследования показывают, что мотивирует быть болельщиком не только и не столько деятельность «профессионалов», спортсменов, сколько деятельность своих собратьев «по болению» [Петрунин, Чатаева, Багатырова 2016].

Перейдем ко второму вопросу. Если придерживаться антропного принципа, то как объяснить, что в одних странах возникает наблюдатель как системное явление для одного вида спорта, а в других – нет? Почему бейсбол чрезвычайно популярен в США, а близкий его «родственник» русская лапта почил в безвестности? И все попытки привить бейсбол в России (и не только) ни к чему не привели. А, наоборот, «король спорта» футбол долго не пользовался успехом в США? Если обратиться к АП в космологии, то принципиальная возможность появления наблюдателя/наблюдателей не приводит к появлению последних в любой части вселенной. Очевидно, что должны быть дополнительные факторы, приводящие к появлению наблюдателя в конкретном месте.

Как и в естествознании, в обществознании можно рассматривать жесткий и мягкий варианты АП. Жесткий АП означает, что спортивные (социально-физические) константы с *необходимостью порождают наблюдателя*. Мягкий АП – что спортивные константы *делают возможным появление наблюдателя*. Для того чтобы спортивные константы (СК) привели к возникновению наблюдателя, должны «сработать» дополнительные социальные факторы (они же могут воспрепятствовать этому). К таким факторам можно отнести, например, особенности культуры общества в широком смысле слова; различные социальные процессы – урбанизации, модернизации, глобализации, эмансипации, просвещения. Исследования показывают, что спорт конституирует не только явная/вербализованная система запретов/правил, но и неявные правила или, говоря иначе, ограничения на уровне социально-коммуникативных движений/взаимодействий. О невербализованных правилах, которые нигде не прописываются, хорошо осведомлены и участники игры и, несколько менее, её наблюдатели. Эти скрытые (латентные) правила возможных/запрещенных действий приводят к тому, что одни и те же изменения правил в разных культурах могут приводить к вполне измеряемым *разным* результатам [Петрунин 2012, 19–21]. Возможно, что возникновение и развитие феномена «договорных матчей» связано именно с неписаными правилами, принятыми в данном обществе. Один антрополог обнаружил, что аборигены на некоторых островах Тихого океана полюбили футбол. Однако в их обществе очень большую роль играло стремление к бесконфликтности, поэтому все матчи они умышленно заканчивали ничьей (в большинстве других спортивных игр ничьи отсутствуют). Никаким писаным футбольным правилам это не противоречит. Разумеется, каждый из нас понимает, что это не игра в футбол. Похожая ситуация культурной метаморфозы при заимствовании описана в романе Стругацких «Трудно быть богом».

Важным фактором, формирующим наблюдателей, является развитие техники наблюдения. На наших глазах это раскрывается достаточно убедительно. Говорят, что спорт – модель войны, однако у войны нет наблюдателей. По-крайней мере, долгое время не было и не могло быть. Войну нельзя наблюдать – в ней можно только участвовать. Но в 1993 г. во время войны в Персидском заливе (американская операция «Буря в пустыне») наблюдатели появились с помощью всемирного телевизионного канала новостей CNN. Появление феномена наблюдателя (наблюдения) за ненаблюдаемым сразу же привело к философскому анализу. Французский философ и культуролог Ж. Бодрийяр использовал термин «симулякр», чтобы, в частности, показать, что наблюдение в современном мире важнее реальности, наблюдение превращается в саму реальность (гиперреальность), совершенно не связанную с обычной, традиционной, «живой» реальностью.

Не то же ли самое можно заметить в спорте? Современные технологии творят наблюдателя, но искажают/создают наблюдаемое. Французский журналист О. Моно

так охарактеризовал репортажи с чемпионата Европы по футболу 2012 г.: «Добро пожаловать в мир (настоящего) футбола! Как и в порноиндустрии, то, что вам показывают вовсе не действительность. На самом деле все это гнусный монтаж, единственная задача которого быть как можно зрелищнее... нам никогда не видно, как развивается игра. За крупными планами и замедленными повторами (более 100 за матч) опасных или спорных моментов мы почти не видим самой встречи» [Monod 2012]. Современные технологии виртуальной дополненной реальности и искусственного интеллекта не только активизируют «старые» виды спорта, но и создают новые. Наибольшее их применение и воздействие на общество проявляется не в развитии спортсменов (новые методы тренировок, селекции, психологической подготовки к соревнованиям, релаксации), а в расширении возможностей наблюдателей спорта. Эта тенденция особенно ярко проявляется в киберспорте, для которого ключевым фактором роста является максимальная вовлеченность в него болельщиков. «Это неудивительно, — отмечается в современном журнале по бизнесу, — представьте себе возможность следить за футбольным матчем глазами играющего Неймара или Месси, рассматривать любой участок игрового пространства, прокручивать любой момент игры бесконечное количество раз, видеть в реальном времени всю статистику по любой команде и игроку и даже общаться с ними иногда прямо во время игры. Для киберспортивных дисциплин это норма, поэтому зрители... гораздо больше погружены в процесс, чем любители традиционных спортивных состязаний» [Волосников 2018, 20].

Как участники, так и наблюдатели обретают в киберспорте поистине сверхъестественные (магические!) возможности. Неслучайно именно в компьютерных играх активно реанимируются многие мифологические и магические элементы прошлого: сюжеты, герои, талисманы, способы достижения победы (вспомним хотя бы популярную игру Warcraft [Петрунин 2017, 44]). То, что в «обычной» спортивной реальности выглядело бы комично, в виртуальной выглядит естественно и возбуждающе.

* * *

Неудачи в познании спорта в значительной степени связаны с устаревшей методологией, используемой при его исследовании. Роль наблюдения и наблюдателя, взаимодополнительность объекта исследования и самого исследования (наблюдения), признана даже в естественных науках, не говоря уже о социальных (Н. Луман и др.). Особенностью спортивной науки как разновидности социальной науки является то, что при изучении спорта можно выделить как минимум два наблюдателя. Первый находится внутри социальной системы спорта, являясь её неотъемлемым и ключевым элементом. Это зритель, болельщик. По аналогии со словом спортсмен (sports-man) его можно назвать спортивный болельщик (sports-fan). Находясь внутри спорта как социальной системы, являясь её активным, но специфическим элементом, наблюдатель первого рода является *par excellence* экзистенциальным наблюдателем, маркирующим отличие спорта от прочих человеческих игр, движущей и конституирующей силой спортивной социальной системы.

Наблюдатель второго рода находится за пределами спортивной системы, являясь наблюдателем скорее эпистемологическим (хотя в проявлении такого институционального наблюдателя, как государство не только эпистемологическим). Различие между двумя видами наблюдения и наблюдателей существенным образом предопределяет различную фокусировку и интерпретацию спорта как социального явления. Находясь за пределами спортивной системы, наблюдатель второго рода склонен рассматривать спорт сквозь призму внешней для спорта окружающей среды: мира экономики, мира политики, мира идеологии и т.д. Как правило, он пытается познать/понять спорт через спортсмена как главного видимого лица для стороннего наблюдателя, не замечая других участников социальной системы спорта или не придавая им должного значения. Напротив, задача исследователя спорта будет более выполнимой, если смотреть на спорт не глазами спортсмена, а глазами болельщика, в котором сущность спорта проявляется выразительней всего. Еще более интересные и глубокие результаты могут быть получены при взаимодополнительном, взаимосвязанном рассмотрении сети

наблюдателей, в том числе коллективных и институциональных. Плюрализм наблюдателей в известной мере определяет и парадоксальность различных образов спорта в обществе, и «неуловимость» его природы, и несоизмеримость различных подходов к его пониманию.

Изменение эпистемологической фокусировки в спортивной науке с необходимостью ставит вопрос об особенностях телесной состязательной активности, порождающих появление и развитие феномена наблюдателей первого рода. Выделение этих особенностей спортивного действия по аналогии с физикой – спортивных констант можно назвать «антропным принципом в науке о спорте». Хотя любая человеческая деятельность потенциально «антропна», осознаваема, наблюдаема, но актуально это происходит не всегда, еще реже она ведет к возникновению особого рода наблюдателей – «сопереживателей» и «соучастников» непосредственных субъектов физической состязательной активности.

Применение антропного принципа в спортивной науке способно объяснить не только природу, но и динамику спорта, конкуренцию между отдельными его видами, приводящую к отмиранию одних, процветанию других, трансформации третьих и, наконец, появлению новых видов. Богатая история современного спорта многократно подтверждает, что те виды спорта имеют эволюционные преимущества, особенности которых порождают большие возможности зрелищности, увлекательности, заразительности, агональности, иными словами, возможности возникновения наблюдателя как устойчивого социального явления со своей субкультурой, традициями, коммуникационными механизмами и способами самоидентификации.

Антропный принцип в спорте связан как с внутренними характеристиками конкретного вида спорта (принципами и запретами, регулирующим движения спортсменов для достижения своих целей в состязаниях), так и с характеристиками наблюдения и наблюдателя: социальными, культурными, техническими, технологическими. Но это означает, что спортивная наука с необходимостью должна опираться не только на социально-гуманитарные (экономика, социология, юриспруденция, психология), но и на естественные науки (физика, биология, медицина). Синтезирующим фактором их эффективного взаимодействия не может не быть философия.

Ссылки — References in Russian

Волосников 2018 — *Волосников Г.* Виртуальная битва. Как вложиться в молодой и быстрорастущий рынок киберспорта. // *Финансист.* 2018. № 2 (12). С. 19–22.

Гуттман 2016 — *Гуттман А.* От ритуала к рекорду: природа современного понимания спорта. М.: Издательство института Гайдара, 2016.

Казютинский, Балашов 1989 — *Казютинский В.В., Балашов Ю.В.* Антропный принцип. История и современность // *Природа*, 1989, № 1. С. 23–32.

Лэш 2006 — *Лэш К.* Вырождение спорта // *Логос*, 2006, № 3. С. 23–40.

Макаров 2016 — *Макаров Л.М.* Внезапная сердечная смерть и остановка сердца на трибунах во время проведения футбольных матчей. Мнения международных экспертов. // *Медицина экстремальных ситуаций.* № 4 (58). С. 58–62.

Ненашев 2012 — *Ненашев М. И.* Антропный принцип и проблема наблюдателя // *Вопросы философии.* 2012. № 4. С. 64–74.

Окунь 1991 — *Окунь Л.Б.* Фундаментальные константы физики // *Успехи физических наук*, 1991, Т. 161. № 9. С. 177–194.

Петрунин 2012 — *Петрунин Ю.Ю.* Управление эффективностью в футболе // *Государственное управление. Электронный вестник.* 2012. № 35. 1–23.

Петрунин 2017 — *Петрунин Ю. Ю.* Lapis philosophorum, artificial intelligence and perpetuum mobile: эволюция взаимоотношений мифа и науки // *Вопросы философии.* 2017. № 3. С. 42–51.

Петрунин, Чатаева, Багатырова 2016 — *Петрунин Ю.Ю., Чатаева О., Багатырова А.Б.* Как можно быть футбольной болельщицей? // *Государственное управление. Электронный вестник.* 2016. № 54. С. 5–38.

Федулов, Панов, Логинова, Савельев, Косицын 2017 — *Федулов М.В., Панов Н.В., Логинова Н.А., Савельев А.В., Косицын Н.С.* Использование нейролокомоторных принципов построения движений на примере боевых искусств // *Нейрокомпьютеры: разработка, применение.* 2017. № 8. С. 41–43.

Хэйзинга 2011 — *Хэйзинга Й.* Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Комментар., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

Шелер 1988 – Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы/Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.

References

- Elias, Norbert, Dunning, Eric. (1986) *The Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process*. Oxford.
- Fedulov, Michael V., Panov, Nikolay V., Loginova, Nadezda A., Saveliev, Alexander V., Kositsyn, Nikolay S. (2017) 'There are neurolocomotor principles of movements construction used in martial arts', *Neurocomputers: development, application*, № 8, pp. 41–43 (in Russian).
- Guttmann, Allen (2016) *From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports*. Publisher Gaidars Institute, Moscow (in Russian).
- Huizinga, Johan (2011) *Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture*, Ivan Limbach Publishing House, Moscow (in Russian).
- Kazyutinsky, Vadim V., Balashov, Yuri V. (1989) Anthropoc principle. History and modernity, *Priroda*, № 1, pp. 23–32 (in Russian).
- Lasch, Christopher (2006) 'The Culture of Narcissism', *Logos*, № 3, pp. 23–40 (in Russian).
- Makarov, Leonid M. (2016) 'Sudden cardiac death and cardiac arrest among spectators during football matches: according to international experts', *Extreme situation medicine*, № 4 (58), pp. 58–62 (in Russian).
- Michiko, Yoshie, Nagai, Yoko, Critchley, Hugo D. & Harrison, Neil A. (2016) 'Why I tense up when you watch me: Inferior parietal cortex mediates an audience's influence on motor performance', *Scientific Reports*, v. 6, Article number 19305.
- Nenashev, Michael I. (2012) 'Anthropic principle and the problem of the observer', *Voprosy Filosofii*, 2012. Vol. 4, pp. 64–74 (in Russian).
- Okun, Lev B. (1991) 'Fundamental constants of physics', *Uspehi fizicheskikh nauk*, vol. 161, № 9, pp. 177–194 (in Russian).
- Monod, Olivier (2012) *Euro 2012: la télévision déforme le football*. 27.06.2012. <http://www.slate.fr/life/58481/euro-2012-television-deforme-football>
- Petrinin, Yuri Yu (2012). 'Football Performance Management', *Public Administration. E-journal*, № 35, pp. 1–23 (in Russian).
- Petrinin, Yuri Yu. (2017) 'Lapis Philosophorum, Artificial Intelligence and Perpetuum Mobile: The Evolution of Mutual Relations of Myth and Science', *Voprosy Filosofii*, vol. 3, pp. 42–51 (In Russian).
- Petrinin, Yuri Yu., Chataeva, Olga S., Bagatyrova, Asiat B. (2016) 'How can a woman be a football fan?', *Public Administration, E-journal*, № 54, pp. 5–38 (in Russian).
- Scheler, Max (1927) 'Begleitwort', Peters, Alfred *Psychologie des Sports. Seine Konfrontierung mit Spiel und Kampf*, Der Neue Geist Verlag, Leipzig, S. XII–XIII.
- Scheler, Max (1928) *Die Stellung des Menschen im Kosmos*, Otto Reichi Verlag, Darmstadt.
- Volosnikov, Georgy 'Virtual battle. How to invest in a young and fast-growing e-sports market', *Finansist*, № 2 (12), pp. 19–22 (in Russian).
- Wesson, John (2002) *The Science of Soccer*, IOP Publishing Ltd., London, Bristol, Philadelphia.

Сведения об авторе

ПЕТРУНИН Юрий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Математические методы и информационные технологии в управлении» факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель секции «Управление знаниями» Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований.

Author's information

PETRININ Yuri Yu. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Mathematical Methods and Information Technology in Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Chairman of the Organizing Committee of Seminar Knowledge Management of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the methodology of artificial intelligence and cognitive researches.